

[6]. Таким образом, главная задача автора – рассмотреть механизм действия по аналогии, порождающей моделью которой являются пережиточные формы.

Пережиточность флексий тематического спряжения объясняется тем, что уже в праславянский период осталось только пять глаголов, склоняющихся по атематической парадигме: **vemь* (<*ved-mi), **damь*, **emь* (<*ed-mi), *imamь*, *esmь* (ср. ц. – слав. ІЕСМЬ, ІЕСИ, ІЕСТЬ; польск. *jestem*, *jes*, *jest/jesc/je*; чеш. *jsem*, *jsi jest/je* и т.д.). Во всех остальных глагольных корнях распространилась тематическая парадигма. Ее характерные именно славянские черты заключаются в том, что 1) в 1 л. ед. ч. сочетание тематического -о- с флексией **-m* > **o* > *u* (в большинстве славянских языков, *q* в польском), гесп. -*q-* + **-nt-(u)* > *q-* (*тъ*); 2) по закону Педерсена флексия 2л. **-si* > *-iii* (источник распространения – основы на *-i-*); 3) в 3 л. ед.ч. вместо и.-е. **-ti* появляется окончание *-тъ* (соответственно окончание 3 л.мн.ч. *-ѣтъ* замещает и.-е. **-onti*). Следует, однако, заметить, что флексия **-ti* может проявляться в южно-русском *-тъ*. Кроме того, во многих славянских языках наличествует 0 окончание 3 лица, явно восходящее к и.-е. “вторичному” окончанию **-t*, которое не так явно связано здесь с системой претерита, как в индоиранских языках ([7]; см. обзор проблемы в [9] с дальнейшей литературой). В этой связи автор отмечает следующее. С одной стороны, непродуктивное уже в праславянском атематическое спряжение глаголов подверглось существенному воздействию со стороны тематического. Так, в большинстве глаголов флексия 2 л. *-си* сменилась на *-ишь*; формы других лиц также унифицированы по сравнению с первоначальной парадигмой под влиянием тематического спряжения, отличавшегося большей однородностью основ. Но и атематическое спряжение оказало существенное влияние на остальные глагольные классы: в ряде славянских языков широко распространилось окончание 1 л. *-м*: в польском оно характеризует так называемое 3 спряжение (основы на *-а-* и в небольшом количестве – на *-е-*), в чешском, словацком, словенском, сербохорватском, македонском – практически все глаголы (в чешском и сербохорватском – с небольшими исключениями), в болгарском – глаголы на *-а-* и *-ов-*. Только в восточнославянских языках не произошло вторичного распространения *-м*. Причины активности реликтовой формы автор видит прежде всего в контракции тематических гласных у ряда основ в глаголах III и IV классов: сегмент *-еje-* > *-е-*, *aje* > *-а-*.

По поводу методологии Л.Янды и полученных ею результатов можно высказать следующие соображения. Безусловно, избранный автором аспект интересен и неожидан. Обычно в аналогии роль порождающей модели играют более продуктивные и распространенные грамматические

формы. Поэтому вторичная экспансия пережиточных морфем связывается автором с категориями прототипа, когнитивной модели грамматики и т.д. Однако само понятие когнитивной грамматики, несмотря на обилие статей и монографий, посвященных этой проблематике, остается не до конца ясным, так как в этом направлении пока нет своей аксиоматики (см. подробнее: [10]). Напротив, теория лингвистической аналогии, разработанная еще в прошлом веке Г. Паулем и Ф.Ф. Фортунатовым, аксиоматизирована достаточно строго. В ее изложении Л. Янда упустила несколько существенных деталей. Прежде всего, аналогия существует не в одном измерении. Всякое слово входит, согласно Паулю и Фортунатову, по крайней мере в два измерения: “вещественные и формальные группы” [11, 128]; “основная и формальная принадлежность” [12, 43]. Основная принадлежность объединяет формы одного слова, формальная – различные основы, стоящие в единой грамматической форме. Ф.Ф. Фортунатов показал также, что в множестве, объединенном одной формальной принадлежностью, существуют и подмножества, так как сама основа может оказаться сложной. В этом случае слово характеризуется тройной и большей членимостью, соответственно тройной и большей принадлежностью. Аналогия действует либо благодаря основной, либо благодаря формальной принадлежности слова, о чем подробно писал и Г.Хёнигсвальд [13]. В этих условиях действительности аналогии способствует не столько распространенность того или иного грамматического способа, служащего порождающей моделью аналогии, сколько его грамматическая регулярность. Вопрос о том, какие именно языковые формы могут служить основанием аналогии и как протекает этот процесс, подробно рассматривается также в работах С.Н. Цейтлин, Дж. Байби, Е.С. Кубряковой [14; 15].

Опираясь на общую теорию грамматической аналогии, В.К. Журавлев исследовал морфологию славянского, в частности, болгарского глагола. Вариации тематической гласной в спряжении позволяют предположить уже не двойное, а тройное членение словоформы: *плеть-ъ* – *плет-е-и* – *плет-о-х* – *плет-[а]-х* – *плет-и* – *плет-е-н*. [16, с. 63–64]. У глаголов на *-а-* такой вариативности нет, поэтому, ауслат не воспринимается как тематический гласный и принимает окончание атематических глаголов. Напротив, в русском языке вокальный ауслат основы не может рассматриваться как тематический гласный, так как в презенсе за ним следует глайд [j] и подлинный тематический гласный: *бега-[j]-у*, *бега-[j]-е-ишь*, *бе-га-[j]-у-т*. Именно поэтому в русском языке не произошло вторичное распространение атематического спряжения. Следует, впрочем, заметить, что в русском языке нет процесса контракции, но есть процесс редукции заударных гласных, поэтому в